

Китайские сказки

Автор:

Сборник

Китайские сказки

Сборник

Китайский фольклор имеет долгую историю, он очень тесно связан с историей Китая. Поэтому не удивительно, что помимо особого колорита и самобытности китайские сказки имеют еще несколько существенных отличий от сказок других народов мира. Во-первых, это действующие лица – в китайских сказках главными героями очень часто становятся животные, либо принимающие облик человека, либо просто бескорыстно служащие ему. Во-вторых, детальное описание жизни простого китайского народа, его повседневного быта, нравов и обычаев. И наконец, в отличие от сказаний других народов Востока, в китайских сказках, как и в литературе славянских народов, всегда побеждает добро и торжествует справедливость.

Китайские сказки

Лисья тень

В старые, старые годы в округе Пин-Юнэне жил да был купец Юн-Чи-Юн. Богатый был человек, у народа был в почете. А вот женат не был. Давно бы пора ему жениться, годы уж уходили, а все невеста по сердцу не находилась.

Раз поехал Юн со своими слугами на охоту. Уехали далеко в степи. И выгнали его молодцы лису. Окружили ее, загукали, засвистали; заметалась лиса, выбрала место, где людей поменьше, распушила хвост и пошла на утек. Да не тут-то

было – на пути сам Юн стоял: размахнул он шелковую петлю, бросил и обмотал лису в три ряда.

Залюбовались все на зверя. Уж такая лиса, такая лиса, что никто такой красоты не видал! И стройна, и крепка, морда вострая, глаза – как звезды, а шерсть – как золото! Горит вся лиса! Ну и лиса! Никто такой лисы не видывал.

– Ну спасибо, ребята! – Юн своим молодцам говорит. – Выгнали вы мне не лису, а красавицу! Вот такую бы мне невесту сыскать! Нашлась бы девица, хоть немного на эту лису похожая, тут же бы женился. Только где уж нашим пудренным-румяненным модницам до такой настоящей красоты! Ну ладно, ребята, торочите ее мне за седло, да и домой!

Прикрутили лису к Юнову седлу и двинулись к дому; молодцы вперед, а Юн поотстал. Едет и думает, что вот ведь нет, да и нет ему доли невесту найти. Далеко его мысли ушли: «Ведь вот в старину всякие диковины бывали. Почему это нынче ничего такого не слышно? Ну что бы вот, вместо лисы, я бы девицу нашел, да вместо лисьей шкуры хозяйку бы в дом привез?»

А лиса лежит сзади него, скручена вся, связана: режут ей лапы шелковые путы, а еще пуще ее лисье сердце страх режет знает она, что вот привезут ее в дом, тут и конец ее будет. Взмолилась она своему звериному богу, чтобы обернул ее бог девицей, словно знала, что и Юн о том же самом думал.

А Юн тут как раз от раздумья своего очнулся; видит, отстал от своих молодцов порядочно, ударил коня плетью, назад оглянулся – тут ли лиса? Оглянулся да так и ахнул! Что бы вы думали? Сидит у него за спиной девица... Лиса исчезла, а на ее месте красавица с длинной косой, жгучими глазами, круглыми бровями... Не успел Юн рассмотреть ее, как открыла красавица свой розовый ротик, блеснула зубками и говорит:

– Аль испугался меня, добрый молодец?! Ничего, не бойся меня, а я тебя бояться не буду. Была раньше лисой, а теперь твоей женой буду. Сверни с дороги вон в ту деревню, ночь там проведем, а на утро домой приедем. Скажешь дома, что купил меня в деревне, иль у проезжих купцов на лису выменял. Вот и все!

Так вот и женился Юн-Чи-Юн. К свадьбе Юн подарил жене много платьев и украшений разных: и все дорогое, отборное. Но больше всего ей полюбились

сережки с зелеными камушками. Уж так она их полюбила, что никогда из ушей не вынимала.

Долго да дружно они жили. Детей вырастили, поженили, состарились. Скончался Юн. А вдова его еще долго жила. Поселилась она свои дни доживать в келейке, что в саду, в дальнем углу стояла. Туда ей и пищу относили. Другой раз и забудут отнести. А потом не то, что пищу ей приносить, а и о том, что есть где-то какая-то старуха, забыли. И вспоминать о ней перестали. А старая все жила да жила; слаба совсем стала, жизнью тяготилась, но знала, что раз сама себе человечью жизнь выпросила – то и должна ее нести пока срок не выйдет.

А годы той порой шли да шли. Поколение сменилось новым поколением, а это опять дало дорогу новым людям. В Юновом доме жили после него дети, потом внуки, потом и правнуки. Под конец остался только один правнук Юн-Ван-Тен. А надо сказать, что потомство Юн-Чи-Юна было не по старику; старик всю жизнь наживал добро, а молодежь из поколения в поколение это добро проживала. Ко времени Юн-Ван-Тена дом совсем обеднел. Молодой Юн со своей женой последнее донашивали да доедали. Ленивы были оба, дела никакого не знали и умели только спать да между собой переругиваться. Наконец такие дни настали, что в доме сухой корки не было и продать было нечего: даже штаны и рубахи были проедены. Жена в дырявой юбке сидела, а Юн, в одном халатике по саду бродил. Раз, бродя так по саду, прилег он в тени. И видит – блестит что-то в траве. Поковырял – сережка... Должно давно кем обронена, в мох уже вросла. Вышел Юн на солнышко, чтобы лучше рассмотреть. Да, хорошая сережка... Золотая, с зеленым камушком... На задней стороне буквы какие-то... Читает Юн: «От Юн-Чи-Юна».

«Эге, Юн-Чи-Юн был мой прадедушка. Значит уж больше сотни лет этой серьге будет. Старовата, а все тэля[1 - Китайская монета] два за нее дадут.» Видит тут Юн – по дорожке старушка идет... Старая, старая, кое-как ноги волочит и сгорбилась в дугу. Видал ее как будто и раньше Юн в саду, да только как-то не примечал, а тут на радостях, что находку нашел, пошутить с ней вздумал:

– Здорово, бабка! Что это ты так сгорбилась? Аль стара сильно, аль потеряла что да ищешь?

– Ой родной, все вместе голубчик. И стара я, и потерю ищу.

– А что потеряла, бабушка?

– Сережку, родной. Сережку, что муж на свадьбу мне подарил.

– Не эту ли вот? Бери- коли твоя.

– Ой, эту самую, эту, дитячко. Да никак ты нашел? Вот спасибо тебе! Вот спасибо! Почитай сто лет ее ищущу, а ты вот мне и помог. Ну спасибо тебе!

Думает Юн, что-де старая говорит? Усадил старушку на полянку, расспросил ее. Все рассказала ему старуха, кто она, как она лисой была, и как с мужем жила, и как ее вон в той келейке люди забыли. Подивился Юн; но думать ему было лень, решил, что так оно и быть должно. Взял старушку в дом.

«Хоть есть у меня и нечего, а все над средней комнатой крыша еще не провалилась и в ней жить можно, а у тебя келья совсем уж того...»

Увидела старуха дом – не узнала; от бывшего богатства да роскоши и следа не осталось: что было деревянного – то в зимнюю стужу в печи сожжено, а что было глиняного – то дождями размыто, только и держится еще средняя комната. Отдала старуха правнуку сережки.

«Поди, заложи их, купи рису и прочего. Как же так можно? И штаны себе купи, а жене юбку принеси. Ай, ай, какой срам. До чего себя довели!»

Пожила старушка в доме день-другой. Видит, что беда в доме от хозяйской лени идет.

– Не ладно так-то, детушки, – говорит. – Работать вам надо, не будете работать – никогда из нужды не выйдете.

– А что мы работать будем, коли ничего делать не умеем, – оба ей в голос отвечают. – Родители наши никогда ничему нас не учили.

– Ну не ропщите на родителей. Если они вас не учили – так я поучу. Тебе, молодка, кросна поставлю – ткать будем, а ты, сынок, торговлей займись. На начало я и денег тебе дам. Пойди, ты, в сад, в мою келейку: там, где-то под

полом, я лет сто тому назад ямбушку серебра припрятала: вот для начала тебе и хватит.

Сорок лан серебра оказалось. Отрубил Юн половину на хозяйство, а половину на торговлю. Скупил он в окрестных деревнях соломенные плащи, что китайцы в дождик носят, наложил целый воз и повез на себе в город продавать. Товар дешевый, ходкий и продать легко и барыш будет. Выехал из дому поутру, к вечеру думал в городе быть. Да с непривычки так устал, что когда добрался до реки, на берегу которой постоянный двор стоял, решил отдохнуть. Постучал в ворота:

- Эй, хозяева, пустите купца ночевать!

Вышел хозяин, спросил Юна, куда и зачем идет, и говорит:

- Вот что, добрый человек. Хоть и рад я гостю, а по совести тебе посоветую - успевай в город сегодня до ночи, там и отдохнешь.

- Ну, куда мне торопиться, - отвечает Юн. - Не беда случится, если и завтра привезу мой товар. Что за спех?

- А тот спех, молодец, что за этой речкой есть еще другая; обе мелкие, бродовые без мостов. Сегодня ты их сухой ногой перейдешь, а завтра, пожалуй, и на коне не переедешь.

- А что так? Почему такое?

- А потому такое, что вон там в горах нынче гром гремел, ежели дождь пролил - то за ночь реки вздуются, вот и засядешь здесь на целый день.

- Ну день - не беда. Упрел я, не могу дальше везти.

Остался Юн ночевать. Телегу свою посреди двора оставил. В ночь такой дождь ударил, что только держись. Не дождь, а ливень. Смотрит Юн поутру на речку. Море! Ревет вода, кусты, деревья с гор несет. А дождь, как из ведра. Посмотрел Юн на свой воз - стоит он под дождем.

«Эх, я не догадался вечером воз под навес закатить. Наверное все плащи перемокли: где теперь их пересушишь. Придется ветра ждать, да на солнце их сушить».

Лил дождь три дня. Юн все время на печи – кане спал. Наконец прояснилось. Юн, как будто, и не рад, что опять вставать да работать надо. Разостлал он свой товар на солнышке. Просохли плащи, только потемнели и вид потеряли. Привез Юн свой товар в город. Показал купцам. Цену назначил. Не берут.

«За такую цену мы купим товар свежий, солома – как солнышко. А твой – что? Смотреть тошно. Да к тому же и дождь теперь прошел, а до нового дождя еще не скоро. Подождем других торговцев».

Ну что тут делать? Уж Юн и цену сбавляет и положение свое объясняет. Нет!

«Вот если за свою цену отдашь, да телегу в придачу оставишь – так и быть, возьмем. Только тебя жалеючи».

Получил Юн свои двадцать лан. Отправился домой. На постоянный у реки зашел, с хозяином расплатился. Потолковали о неудачной торговле. Говорит ему хозяин:

«Вот не послушал ты меня тогда, не поспешил в город – ну себя и вини».

Хотел тут Юн хозяину деньги отдать. Только куда это делась котомка?

«Эй, ребята, кто мою котомку взял? Я ее вот тут у порога положил!»

Пропала котомка! Украл кто-то. А серебро в ней было. Заревел бедняга. Народ ему разное говорит. Кто советует котомку у дверей не оставлять, кто говорит – ты, парень, деньги в котомке не носи, а кто советует на хозяина жалобу подать.

Рассердился Юн.

«Пошли все к черту! Без вас вижу, что сам опростоволосился. При чем же тут хозяин? За что я на него жаловаться буду?»

Услышал это хозяин и говорит:

– Ну спасибо тебе, молодец, на добром слове! Коли ты на меня жалобы не имеешь – то и я с тебя за постой ничего не прошу. Иди себе домой с молитвой.

– Как же я пойду! Как я глаза свои покажу? Вышел с товаром, с телегой, а вернусь с пустыми руками. Даже котомку и ту потерял!

– Ну не горюй детина. Ложись спать; утро вечера мудренее, авось и придумаем как беду поправить.

На другой день сидит Юн на завалинке, делать ему нечего, сидит и смотрит, как проезжие купцы перепелиный бой затеяли. Смотрит и думает: «Вот перепела... вовсе, ведь, здесь дешево, а в городе за них хорошо платят. Купить бы сотню, другую и продать бы в городе. В один день обернуться можно, а заработаешь на каждую кешу пять. Шутка?»

Посоветовался с хозяином. Старик сказал: «Добро, расторговывайся». И денег на покупку дал.

Купил Юн перепелов, принес клетку на постоялый, повесил ее под крышей и пошел спать, чтобы поутру пораньше в город отправиться. Слышит Юн ночью – пищат его перепела на дворе. Ему бы выйти, посмотреть – да уж больно хорошо его на печи пригрело.

На утро, ой батюшки-светы! – почти все перепела за ночь пропали. Только несколько живых к углам клетки жмутся.

Опять заревел Юн.

– Нет, – кричит, – мне счастья! Одно мне осталось – задавиться или утопиться!

– Ну, брат, утопиться дело не мудреное – говорит хозяин. – Вот торговлю вести – это будет потруднее. Что у тебя опять неладно?

Посмотрел в клетку. По клетке перепел гуляет, голова кверху, глазами сверкает.

«Вот этот и переклевал за ночь остальных. Видишь, какой он силы? Ну, коли видишь, так и подумай сам, как беду поправить можешь. Возьми ты этого перепела и иди в город на базар с купцами биться. Я тебе прямо скажу – нет у городских перепелов против этого. Вот тебе и заработок. И легко, и выгодно!»

В один месяц Юн заработал те двадцать лан, что у него раньше были.

– Ну теперь, – говорит, – Я домой пойду. Хоть свои деньги обратно принесу и то хорошо.

– Хорошо то – хорошо, а только деньги взад-перед всякий дурак сумеет. А умный человек на деньги денежки должен зарабатывать. Вот что я, брат, думаю. Теперь восьмая луна начинается, а на пятнадцатый день этой луны в столице дворцовые бои перепелов бывают. Много народу сходится, для всех дворец открыт. Почему бы тебе не пойти свое счастье попробовать. Выходи со своим перепелом против принцева. Если твой перепел будет поклеван – ну и делу конец, к жене пойдешь, а если твой перепел принцева побьет – конечно, принц его у тебя купит, денежки получишь. А? И я с тобой пойду, все тебе укажу. А если до продажи дело дойдет, то смотри на меня и на цену и не соглашайся пока я головой не кивну. Понял?

Юн понял. Отправились.

В столицу пришли как раз во время. Народу около дворца собралось видимо-невидимо на бой посмотреть. Вскоре ворота дворца отворились, вышли трубачи, протрубили в свои трубы объявили, что народ может выйти во двор, а кто желает – тот может выпустить перепела против принца.

Сам принц вышел, сел на золоченый, расписной стул посередь двора на возвышении и говорит: «Начнем!»

Поднялся тут на возвышение приезжий китаец, поклонился три раза принцу земно и поставил перед ним клетку с перепелом. Принцу тоже клетку подали.

«Ну, выпускаем!»

Запрыгали два перепела, заскакали, начали один другого клевать. В один миг заклевал принцев перепел противника.

«Ну, дядя, слаб твой перепел, а за забаву тебе спасибо. Иди в покои, после боя обедать все будем. Другой кто выходи!»

Другой человек перепела поставил и этот перепел побит был. И третий также. И в короткое время десяток перепелов принцевы птицы перебили. Отборные были у принца птицы.

– Ну теперь, пожалуй, и мы свое счастье попробуем, – говорит Юну хозяин постоянного двора.

– Иди, да помни мой совет – цену не процени.

«Ай да перепел! Вот это перепел! Сразу видно, что силен и зол перепел!» – похвалил принц Юнова перепела. «А ну-ка, ребята, где мой «Железный клюв»? Несите его сюда, пусть он этому красавцу перья по общиплет».

Сразились птицы; полетели перья во все стороны. С которой птицы летят, разобрать нельзя. Но вот разбежались бойцы, встали, чтобы вновь прыгнуть один на другого. Тут все увидели, что принцев «Железный клюв» весь общипан.

«Разнять их!» – раздалась команда. «Так, чего доброго, потеряю и моего «Железного клюва», не устоять ему против этого разбойника. Принести моего белого перепела!»

Когда увидел Юн белого, как снег, перепела – испугался.

– Ваше Высочество! Прикажете... Отпустите меня... Мой перепел уже устал, а эта белая птица – замороженная. Оставит она меня без куска хлеба, заключет моего перепела.

– Не беда! Заключет – деньги заплачу, в обиде не будешь. Выпускай!

Велик был и силен белый перепел, а не увертлив. Юнов перепел, как коршун, на него сверху пал. Да вдругорядь. Да опять. Так закрутил, так затормошил белого

силача, что тот уж, не то что нападать, а и обороняться перестал; распустил крылья и только с места на место перебегает, чтобы врага избежать. Белые перья во все стороны летят. Народ в один голос Юнова перепела хвалит. Приказал принц разнять бойцов. Взял Юнова перепела, погладил его, потрепал, осмотрел со всех сторон и говорит Юну:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Китайская монета

Купить: https://tellnovel.com/ru/sbornik_/kitayskie-skazki

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)